

Аналіз практики Європейського суду з прав людини дозволяє зробити висновок, що причинами порушення статті 6 Конвенції частіше за все є недосконалість національного законодавства та недоліки практики застосування державними органами та судовими інстанціями принципів верховенства права та справедливого судового розгляду.

Волчкова А. О.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
аспирант кафедры международного права и международных отношений*

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «КОЛЛЕКТИВНЫЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Международные преступления, как и всякие преступления по внутригосударственному праву, совершаются как единолично, так и совместными действиями нескольких лиц. Их особенность заключается в том, что, как правило, данные преступления носят коллективный, организованный характер и совершаются не отдельными индивидами, а группами лиц, в том числе военными и административными структурами. В доктрине уголовного права такая совместная преступная деятельность именуется соучастием.

С учетом природы преступлений по международному праву, установление точных рамок участия отдельных лиц в совершении «системных» преступлений оказывается очень сложной задачей и грань между индивидуальным и коллективным наказанием чрезвычайно зыбкой. Это еще раз подтверждает, что соучастие было и остается самой спорной областью научного познания в международном уголовном праве.

В международном уголовном праве распространена следующая классификация форм соучастия: простое соучастие (соисполнительство); сложное соучастие (с распределением ролей); совместная преступная деятельность (Jens David Ohlin Joint intentions to commit international crimes. – 2011. – P. 695).

Устав Нюрнбергского трибунала содержит ряд положений, которые несколько абстрактно закрепляют формы совершения преступлений. В соответствии со статьей 6 (с) Устава, «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники», участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение преступления против международного права, подлежали ответственности даже за деяния, совершенные другими лицами во исполнение этого плана.

Формы соучастия были детализированы в Уставах Трибуналов *ad hoc*. Данные трибуналы проводили различие между «совершением», «планированием», «отдачей приказа», «подстрекательством», «пособничеством и содействием». В частности, Международный трибунал по бывшей Югославии признал участие в совместной преступной деятельности, в качестве самостоятельной формы ответственности.

Теория «совместной преступной деятельности» является ярким примером противостояния различных концепций в рамках принципа индивидуальной уголовной ответ-

ственности. В доктрине международного уголовного права справедливо отмечается, что данная теория повторяет конструкцию преступного сговора.

К числу объективных признаков совместной преступной деятельности относятся: а) множественность лиц; б) наличие совместного преступного плана, который имеет целью или включает в себя совершение международных преступлений; при этом взаимная договоренность соучастников необязательно должна быть явно выражена, а ее существование может быть установлено путем анализа взаимообусловленных действий соучастников; в) участие лица в той или иной мере в реализации преступного плана (*Prosecutor v. Tadic*, № IT-94-I-A, Appeals Chamber Judgment, July 15, 1999, para. 227).

Субъективные признаки достаточно разнообразны. Базовая форма совместной преступной деятельности предполагает единство умысла соучастников на совершение умышленного преступления (*Prosecutor v. Vasiljevic*, № IT-98-32-T, Appeals Chamber Judgment, February 25, 2004, para. 97). Системная – знание лица о системе бесчеловечного обращения с заключенными и его стремления вносить вклад в работу этой системы (*Prosecutor v. Limaj*, № IT-03-66-T, Trial Chamber Judgment, November 30, 2005, para. 511). В расширенной форме совместной преступной деятельности лицо может нести ответственность за прогнозируемые преступления третьих лиц, выходящие за рамки общего плана, если данное лицо предвидело возможность совершения этих преступлений другими лицами, но не предприняло никаких усилий по их предотвращению и не отказалось от дальнейшего участия в совместной деятельности (*Prosecutor v. Tadic*, № IT-94-I-A, Appeals Chamber Judgment, July 15, 1999, para. 228). Таким образом, связующим элементом между преступлением и обвиняемым лицом становится наличие совместного преступного плана, что позволяет обвинению не устанавливать личное отношение лица к имевшим место преступлениям.

В научных кругах данная теория подвергалась серьезной и обоснованной критике. В первую очередь за ее субъективный подход, который подчеркивает то, что границы исполнительских действий определяются содержанием общего преступного замысла. Так, в значительной степени теория «совместной преступной деятельности» тяготеет к широкой ответственности, игнорирующей требование личного виновного участия лица в преступлении. Таким образом привлечение к уголовной ответственности в качестве исполнителя может представлять собой ответственность за причинение вреда по недоразумению или по аналогии, что нарушало бы принцип индивидуальной ответственности. Критика также звучала в отношении того, что данная теория носит слишком расплывчатый характер и не может служить в качестве надежного индикатора уголовной ответственности. Она пытается охватить большое количество людей и широкие временные рамки.

Вместо этого некоторые авторы предлагают использовать теорию «совместного контроля» над преступлением (*Neha Jain*, *The control theory of perpetration in international criminal law*, 2011. – P. 158). Важный критерий этой формы ответственности заключается в том, что виновное лицо для того, чтобы нести ответственность за преступление в качестве соисполнителя, должно контролировать его совершение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идея индивидуальной ответственности за нарушение норм международного права от коллективного порицания к спра-

ведливої оцінці особистого учасника кожного винного особи в міжнародних злочинах претерпела ряд змін з моменту створення Нюрнберзького трибуналу. І на сьогоднішній день виникла явна потреба в обмеженні обвинюваного від розмитих і розширених меж відповідальності.

Чибісов Д. М.

*Національний університет «Одеська юридична академія»,
аспірант кафедри міжнародного права та міжнародних відносин*

ПРОБЛЕМА ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТЕРМІНУ «PROTECTION» У ПРАВІ СОТ: ПЕРЕКЛАД УГОДИ ТРІПС

Вирішення питання уніфікованої термінології сприятиме забезпеченню гармонізації законодавства України та норм права Світової організації торгівлі. Відтак, з'ясування особливостей міжнародного та національного тлумачення терміну «protection» в контексті Угоди ТРІПС є надзвичайно важливим.

Поглиблюючи наше попереднє дослідження (Д. М. Чибісов. Право Світової організації торгівлі як навчальна дисципліна: про необхідність уніфікації характеристик дисципліни // Актуальні проблеми держави і права: Зб. наук. пр. – НУ Од. юр. акад., 2011. – Вип. 62. – С. 451 – 457), де обґрунтовується важливість уніфікації якісних та кількісних характеристик дисципліни «Право Світової організації торгівлі» та створення національного тезаурусу з термінів права СОТ, ми зіткнулися із несистемним та нелогічним перекладом цілої низки термінів та положень Угоди про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності (далі – «ТРІПС») (наприклад див. Табл. 1).

Таблиця 1

	Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights	Угода про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності
Article 14/ Стаття 14	Protection of Performers, Producers of Phonograms (Sound Recordings) and Broadcasting Organizations	Охорона прав виконавців, виробників фонограм (звукозаписів) та радіомовних організацій
Article 15/ Стаття 15	Protectable Subject Matter	Об'єкт, що охороняється
Article 18/ Стаття 18	Term of Protection	Строк захисту (маються на увазі права на товарні знаки – Д. Ч.)
Article 22/ Стаття 22	Article 22: Protection of Geographical Indications	Захист географічних зазначень